

ЛИЗА БЕТТ

КЛЕТКА

НАСЛЕДНИК КЛАНА

Моретти 2

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Сестры Эшфорд

Лиза Бетт

**Клетка 2: Наследник
клана Моретти**

«Автор»

2023

Бетт Л.

Клетка 2: Наследник клана Моретти / Л. Бетт — «Автор»,
2023 — (Сестры Эшфорд)

Три года назад я была наивной душой, влюбленной в Джека Моретти, наследника могущественного клана богачей, возомнивших себя богами. Они ломают чужие судьбы так же легко, как Джек сломал мою. Тогда мне удалось спастись, но кошмары каждую ночь напоминают о его карих глазах. Я была уверена, что покончила с ним, но что, если наследник рода Моретти еще жив? Что, если он придет за мной? Что, если узнает о секрете, который я три года назад унесла под сердцем?

© Бетт Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лиза Бетт

Клетка 2: Наследник клана Моретти

Глава 1

Лезвие опаски уверенно скользит по белоснежной пене, оставляя дорожку гладкой загорелой кожи. Ненавижу бриться! Приходится делать это каждый день, иначе я становлюсь похожим на пирата. Вероятно виной всему итальянские корни. Подставляю лезвие под струю ледяной воды, та сметает с него пену. Провожу по подбородку, счищая последнюю дорожку.

Наконец-то все закончилось. Это оказалось сложнее и проще одновременно. Сложнее, чем я планировал. Проще, чем думал в итоге. Ведь как ни крути – это все же мой дом.

Наношу на подбородок бальзам после бритья, в нос ударяет аромат океана.

Сегодня наш последний вечер. Прощальная встреча выпускников М1.

Они классные ребята, но я больше не смогу видетсья с ними как планировал ранее. Мне бы хотелось пересекаться с ними чаще, но жизнь распорядилась иначе.

И по совместительству с днем нашего выпуска, Халк празднует день своего рождения. Даже не верится, что ему двадцать семь. Три года пролетели чертовски быстро. Незаметно.

Я планировал освободиться раньше, но не получилось.

Из-за неё...

Окидываю свое отражение в зеркале: все те же темные волосы, карие, почти черные глаза, ставшие уже привычными чужие черты лица. За эти три года изменился лишь загар. Он стал более темным, почти шоколадным. Виной всему Итальянское солнце. Взгляд скользит ниже, утыкается в татуировку на груди. Роза. Символ клана Моретти.

Эту татуировку я сделал, когда мне исполнилось тринадцать. Тогда умерла бабушка. Елена Моретти.

Она была потомственной аристократкой. Обедневший род. Что может быть печальнее? Её отец, мой прадед, намеревался насильно выдать её замуж за торговца, нажившего целое состояние на производстве вина, но не имевшего знатного происхождения.

Бабушка рассказывала эту историю тысячу раз, я до сих пор помню каждую деталь, каждую интонацию, с которой та произносила свою речь. Мне иногда кажется, что я все еще помню ее голос. Нежный, мелодичный. Певучий. Такой же легкий и звонкий, как она сама...

Элена встретила со своим будущим мужем в церкви. Он стоял у алтаря: такой высокий и статный, и она будучи наивной молодой леди, поначалу, обрадовалась, что ей достался такой красивый мужчина. Все сверстницы будут завидовать. Когда они будут прогуливаться по улице, головы всех присутствующих будут оборачиваться в их стороны. Им суждено было стать красивой парой.

Но все оказалось не так радужно, как она себе представляла...

Позже бабушка узнала, какой мой дед на самом деле тиран и деспот. Он избивал её каждую ночь, а иногда днем, просто, чтобы продемонстрировать своё превосходство. Она никак не могла принести ему сына и за это жестоко расплачивалась. Её жизнь вопреки ожиданиям превратилась в ад. Да, она жила рядом с красавцем мужем. У них был великолепный дом, бессчётное количество денег и связи. Но не было самого главного – любви. Она так и не смогла полюбить своего красавца мужа, ведь в самую первую ночь он разбил ей сердце, когда она узнала, что он на самом деле из себя представляет.

Годы шли, Елена Моретти увядала. Ей не хотелось жить, не хотелось просыпаться по утрам. Она понимала – один неверный шаг, и супруг снова распустит руки. Она превратилась в тень.

Но Боги смилостивились над ней. И, прожив в браке пятнадцать лет, Елена, наконец-то, забеременела.

Счастью не было предела. Эта новость наполнила смыслом ее жизнь. У нее появилось желание просыпаться по утрам, она вновь стала вести хозяйство, принимать гостей. Она расцвела прямо на глазах.

В одну из лунных ночей Елена Моретти родила двойню. Мальчики-близнецы стали отрадой для нее и её деспотичного мужа. Он приложил все свои силы, чтобы вырастить из них настоящих мужчин. И ему это удалось. Сыновья вышли завидные. Всегда первые били в драке, побеждали в спорах. Мужчина воспитывал их жестко, и они выросли точными его копиями.

Элена, которой, практически, не позволялось общаться с родными детьми, после того, как тем исполнилось шесть, нашла себе другую отраду. Розы. Она разбила сад на окраине поместья и каждый день пропадала в нем, выращивая розы. По ее проекту, в самом центре сада выстроили маленький уютный домик, который поначалу планировался как домик для дорогих гостей.

Но после того как мальчиками исполнилось восемнадцать лет, она переехала в этот домик сама и больше не покидала свою обитель. Мой дед больше не тревожил ее, смыслом его жизни стали подрастающие сыновья. Он воспитывал их в строгости, учил всему, что умеет сам. Учил быть жестокими и беспощадными. Учил побеждать. Учил во всем быть первыми. Учил строить бизнес на крови невинных людей. И в этом преуспел.

И на контрасте с жестокостью, царившей в особняке, окраина поместья процветала миром и безмятежностью. Бабушка растила любимые цветы, выводила новые сорта, скрещивала побеги. Миллионы оттенков и форм. Все это выращено её золотыми руками.

Элена была предана этим растениям всей душой. Так, как ей хотелось быть преданной детям...

Антонио – старший из сыновей женился на дочери нефтяного магната и покинул Италию, чтобы развивать бизнес и налаживать международные связи. Но, прожив в браке много лет, супруги так и не обзавелись потомством.

Карлос – младший сын пошел по стопам отца. Он принял бразды правления и взял на себя управление бесчеловечным бизнесом моего деда. В то время они уже промышленяли торговлей живым товаром, и во многом преуспели, наладив связи с Антонио за границей.

Карлос тоже женился по велению отца. Его избранницей стала наследница не менее скандального рода – Маргарита Орсини. Поговаривают, что у нее были русские корни. Но это лишь слухи, я до конца не уверен, какая кровь текла в жилах моей матери. Они прожили в браке несколько лет, прежде чем Маргарита принесла долгожданного наследника моему отцу.

В ночь, когда она мучилась в схватках, от сердечного приступа умер мой дед. Сына Карлоса и Маргариты назвали в честь почившего главы клана.

Джакомо Моретти.

На следующие сутки вслед за свекром, из жизни ушла и Маргарита. Оставив Карлоса с ребенком на руках.

Мой отец был безутешен. Он скорбел всей душой, и я не уверен, что повергло его в больший шок – смерть отца или дражайшей супруги.

Ребенок стал его спасением и отрадой. Но он понятия не имел, как правильно воспитывать малышкой, поэтому обратился за помощью к единственному человеку, который мог помочь ему с этим.

Элена Моретти стала мне матерью. С той преданностью и любовью, что прежде была отдана розам, она растила меня как собственного сына. Она проводила со мной все дни и ночи напролет. Учила меня первым шагам, именно ее имя было первым моим словом. Именно ее лицо стало для меня любимым лицом матери. Всю ту любовь, что мой дед не позволил ей

обратить на своих сыновей, она подарила мне. Она посвятила жизнь тому, чтобы научить меня любви и верности. Именно благодаря ей я знаю, что такое материнская любовь и забота.

Но время шло. Я становился старше, и Карлос начал давить на мать. Он злился, что из-за нее я вырасту сопляком и слабаком. После того как мне исполнилось восемь, отец запретил мне уходить к бабушке и заставлял находиться с ним в особняке. Он вплотную занялся моим воспитанием, и мне поначалу было интересно копировать манеру поведения отца. Он учил меня всему, что успел узнать от моего деда, учил вести бизнес, учил быть мужчиной. Постепенно бабушкин авторитет померк, и я всецело покорился жесткому воспитанию отца.

До одного злополучного дня, когда я узнал, чем на самом деле зарабатывает на жизнь мой отец.

Когда я понял, что он торгует живыми людьми, я возненавидел его. Это претило моей натуре. Бабушка растила меня добрым и благородным, и калечить чужие судьбы я считал верхом бесчеловечности и жестокости.

После того дня меня будто подменили. Я стал убегать из дома, стал во всем перечить отцу и дяде, не слушался их. Я ненавидел все, что они олицетворяют.

Спасением в этом мире жестокости и лживости стала моя бабушка. В тайне от отца я убегал в ее сад, сидел там часами. Ни с кем не разговаривал, никого не хотел видеть.

Мой вздорный характер, который проявлялся в присутствии отца, в тысячу раз превосходил характер деда. Карлос ненавидел меня за это, и в то же время восхищался мной. Его восторгала та воля и сила, которая прежде крылась в его отце, и которая теперь перешла по наследству мне. Его восхищал тот буйный нрав и упрямство, что в сто крат превышали его собственные.

Если бы он только мог предположить, что именно это его и погубит...

Отталкиваюсь от раковины, и мышцы на груди играют. Рисунок розы – воспоминание о женщине, которая любила меня, и, которую любил я.

Чуть правее от татуировки виднеется маленький круглый шрам. Девятимиллиметровая отметина от пули. Каждый раз глядя на которую я вспоминаю *о ней*.

Если Кейт не умела стрелять, то у неё чертовски легкая рука для новичка. И чертовски зоркий глаз. Несколько сантиметров от сердца. Это все, что меня тогда спасло. Тупое везение. Поведи она рукой чуть левее, я не стоял бы сейчас здесь.

И не смог бы довести задуманное много лет назад до конца.

Стоит мне подумать об этой суке, пульс сбивается.

После смерти бабушки именно Кейт стала для меня спасением. Та наша встреча в саду подарила мне надежду, что этот мир не так жесток и бесчеловечен, как хочет показать отец. Я впитал в себя ее образ, и вспоминал о ней каждый раз, когда сталкивался с несправедливостью и жесткостью отца. Благодаря ей я находил в себе силы бороться с ним. Находил в себе силы жить.

Раньше она была моим спасением.

Но не теперь.

Каждый день лежа в клинике с дыркой в груди, я продумывал план мести. Я думал, как поступлю с ней, когда выполню обещание, данное себе несколько лет назад.

Я заставлю её пожалеть. Заставлю пресмыкаться. Эта сука будет молить о пощаде, когда я покончу с ней.

Закрываю глаза и вдыхаю полной грудью. Скоро. Но еще не время.

Иду в спальню. Одеваюсь к сегодняшней встрече. Черные брюки и такого же цвета рубашка. На руку привычные часы, в брюки – ремень.

Три года, проведенные дома, изменили меня.

Но это издержки профессии.

До жестокости отца мне далеко. Этим я себя успокаиваю.

Милтон был удивлён, когда увидел на своем столе заявление об уходе. Он называл меня самоубийцей. После такой сложной операции мне нельзя возвращаться на родину. Так кругом враги. Но меня это не волнует. Мне больше не хочется участвовать в этом. Я сделал все, что хотел, теперь пора начать жизнь заново.

Осталась только пара штрихов и одна сладкая месть.

Попрощаться с друзьями и отомстить.

Первое я выполню уже сегодня. Второе очень скоро...

И когда я с ней покончу, Кейт пожалеет, что на том шоссе с дырой в груди остался лежать я, а не она сама.

Глава 2

Печатаю последнюю строчку в долгожданном документе и откидываюсь на спинку стула. Это всего лишь формальность, но так приятно заполнять заявление на отпуск. Еще в начале года я обозначила дату. И вот день икс настал.

Начальник на время моего отсутствия, назначил временно исполняющего обязанности руководителя офиса. Интересно, как они тут справятся без меня?

Я не была в отпуске почти год, но ни за что не упущу эту возможность теперь. Я так устала, что кажется еще чуть-чуть и у меня будет нервный срыв.

Планы горят. Титаническими усилиями нам с коллегами удалось выполнить показатели. И теперь можно расслабиться. Хотя бы на месяц.

Звонит сотовый. Торопливо прижимаю трубку к уху и отправляю на печать заветную бумажку.

– Ты не поверишь, чем я целый день занималась! – Восторженный голос сестры выводит из раздумий. Инстинктивно улыбаюсь, слыша знакомый смех.

– Надеюсь, это законно...

– Сомневаюсь, дорогуша! – Лил поучительно тычет мне, но тут же вновь смеется. – Если Милтон узнает, он отправит меня работать в штаб.

– Я не проговорюсь! – заговорщически отзываюсь. – Ну давай уже рассказывай!

– Я пекла пе-че-нье! – ее голос звучит как голос ведущего викторины, где дарят а-а-а-автомобиль. – Ну, знаешь, всякие рыбки, птички, звездочки. Это просто божественно! А потом мы покрывали их разноцветной глазурью и посыпали конфетти. Если сегодня я свалюсь от передозировки сахара, это будет на твоей совести!

Беру распечатанный на принтере лист и царапаю на нем свою подпись паркером. Поднимаюсь с места, беру сумочку свободной рукой, плечом придерживая телефон.

– Я совершенно не причем! – Возмущенно оправдываюсь перед сестрой. – Можно было бы подыскать другие занятия в твой выходной. Пособрать пазл или поиграть в видеоигры. Необязательно обедаться!

– Ты не понимаешь. Балом правлю не я! Это все он! Никогда не думала, что у людей бывает такой зверский аппетит!

– В любом случае спасибо тебе за то, что выручила меня. Сейчас забегу к шефу, а после сразу к вам!

– Не спеши, у меня в запасе еще пара часов до встречи. – Тем более, запись к парикмахеру на шесть часов. Так что я, в любом случае, успею.

– Отлично! Скоро буду! Ну, все, целую!

Жму отбой уже по дороге к кабинету начальника. Стучу в прозрачную дверь, и вижу как босс поднимает тяжелую от забот голову, чтобы увидеть, кто отрывает его от дел. Кивает мне, делая знак войти.

– Мистер Хилтон. Заявление. – Протягиваю ему распечатанный лист и смотрю на настенные часы. Без четверти пять. Надо еще успеть доехать до дома сестры.

– Отлично, Эшфорд. Не представлю, конечно, как мы справимся тут без тебя, но это, ведь, всего лишь на месяц. – Он улыбается мне вымученно. Меня так и подмывает проявить сочувствие, но время не ждет. Еще минута и я начну опаздывать. Переступаю с ноги на ногу.

– Могу я идти?

– Конечно-конечно! Удачно тебе отдохнуть! С тебя сувенир!

– Непременно! – отвечаю, уже закрывая за собой дверь его кабинета.

Повезет, если на дороге не будет аварий и пробок. Сестра убьет меня, если я опоздаю.

Лилит согласилась выручить меня, но всему есть предел. Конечно, она не скажет, чтобы я неслась сломя голову домой, но я сама прекрасно все понимаю. У Лилит остается всего час до выхода. Сегодня день рождения Халка, пропустить такое событие нельзя. И опоздать на него тоже...

Постукиваю пальцами по рулю, сидя в своей новенькой красной тойоте. Сестра подарила мне ее, когда я по ее велению сдала на права два с половиной года назад. Поначалу я редко ездила, но постепенно осмелела и теперь каждое утро добираюсь на работу на машине. Если бы я знала, как удобно иметь под задницей верного коня, я уже давно бы выучилась вождению.

Мои худшие опасения оправдываются. Машины тянутся мертвой вереницей. Впереди видимо авария.

Смотрю на часики на запястье. Стрелки повергают меня в глубокую депрессию – приближаются к шести. Такими темпами мне ни за что не успеть к сестре вовремя.

Не вечер, а пекло!

Оттягиваю ворот белой блузки, расстегиваю пару верхних пуговиц, чтобы стало свободнее дышать, но это не помогает. Тянусь к кондиционеру и увеличиваю поток прохладного воздуха, рискуя простудиться. Просто какое-то чудо, что я до сих пор не покрылась пятнами пота. Такая жара на улице. Климат контроль в машине, конечно, спасает, но я все равно чувствую, как между грудой скатилась соленая капелька.

Если сейчас же не случится чудо, мне придется придумывать, как загладить вину перед сестрой, за то, что безбожно опоздала.

Машины практически не двигаются. Впереди, вероятно, авария. Сзади раздается гудок.

Не у тебя одного нервы сдают, приятель.

Не так я мечтала провести вечер пятницы. Ой, не так!

Мне хотелось в свою уютную квартиру. Включить телек, достать мороженое и уплетать его прямо из ведёрка, улыбаясь любимому мужчине.

С нежностью смотреть в карие глаза, дурачиться, обниматься.

Мысли прерывает настойчивый звонок сотового. Жму кнопку на руле, и салон наполняется голосом сестры. Стрелки часов говорят, что мне конец.

– Детка, ты не против, если я, все же, поеду в салон сейчас? Хэнк будет здесь, он дождет тебя.

– Конечно, Лил. Прости, что так задерживаюсь, тут просто адская пробка.

– Всё нормально! Я завтра заскочу к тебе. До встречи, целую!

– Пока! – кладу трубку, испытывая дикие муки совести. Сестра итак бесконечно меня выручает, а я так подвожу ее. В следующий раз обязательно обращусь к няне. Сестра итак мало времени проводит дома, а тут еще я со своими просьбами и поручениями. Им с Хэнком из-за меня не так уж просто побыть вдвоем...

Улыбаюсь.

Лилит и Хэнк, наконец-то, объявили миру о своих отношениях, более того, они поговаривали, что хотят пожениться. Милтон знал, но тактично отмалчивался, пока подчинённые сами не решат признаться во всем. Хороший, все-таки, мужик – их начальник. Я даже подумываю согласиться на свидание с ним. В конце концов, нет ничего плохого в том, что мы поужинаем.

Ведь Лилит почти устроила свою личную жизнь. Да и Синтия не отстаёт.

Эта бестия поразила всех, когда завалилась на одну из вечеринок в сопровождении Халка. Это был шок! Эта парочка так гармонично смотрелась, что мы с Лилит даже пожалели, что не догадались свести их раньше.

Оказывается, агент положил глаз на Синтию в тот день, когда произошло похищение.

Улыбка мгновенно спадает с моего лица. Глаза наполняются холодом. Я не люблю об этом вспоминать. Но сестра будто не слышит и не понимает меня...

– Малышка, тебе все равно придется рассказать мне обо всем. – Лилит участливо уговаривает меня расколоться. – Если ты замкнешься в себе, у тебя может съехать крыша.

– Не надо, Лил. – В сотый раз повторяю ей одно и то же. Но сестра будто не слышит, постоянно настаивает.

– Если не хочешь рассказывать мне, я могу поговорить с нашим психологом, походишь к нему на сеансы, он поможет тебе справиться с болью.

– У меня нет никакой боли! Хватит об этом. Точка! – Повышаю голос, мне надоели попытки сестры докопаться до сути.

Но если быть честной, проблема все же есть. Хоть я и боюсь себе в этом признаться.

Джек Моретти.

Я не знаю, жив ли он...

Сестра оказывала ему тогда первую помощь, но я была уверена, что убила мудака. Хоть те воспоминания и стерлись, казались лишь сном, я постоянно думала о нем.

Но правду я не хотела знать.

Просто не могла.

Вдруг он мертв.

Или еще хуже – жив.

Мне достаточно и того, что каждую ночь меня мучали кошмары. Я убегала от Джека во сне, но он догонял и каждый раз причинял боль.

Мучал меня, насиловал, избивал.

Иногда в этих снах бывали те охранники из гаража, иногда присутствовал сам Карлос. Но одно оставалось неизменным.

Надменный взгляд карих глаз.

Джек смотрел на меня и улыбался. Скалился. Называл товаром и пускал по кругу. Иногда кошмары были настолько реальны, что я просыпалась с криками.

Тишину салона нарушает гудок соседней машины.

Вздрагиваю.

Я не заметила, как пробка рассосалась. Выжимаю педаль газа и спешу поскорее убежать от тяжелых мыслей.

Но взгляд карих глаз настолько ярко впечатался в память, что я не уверена, смогу ли забыть его когда-нибудь...

Глава 3

Жму отбой и раздраженно поджимаю губы. Халка срочно вызывали в штаб. И кажется, начальству плевать, что у него день рождения.

Вечеринка отменяется. Это рушит мои планы. Мне хотелось как можно скорее покончить с делами здесь и снова улететь, но я не могу покинуть страну, не попрощавшись с друзьями. Несмотря на то, что мы с ребятами не виделись три года, я не стал любить их меньше.

Они – моя семья. И это ничто не изменит!

Очередной звонок выводит меня из раздумий. Слышу голос подруги, и на лице расцветает улыбка.

– Уже слышал про Халка? – Лилит вместо приветствия переходит сразу к делу – спрашивает, и я отзываюсь. – Раз вышел облом, предлагаю отправиться в бар без него. Выпьем, поболтаем, а там возможно и наш трудоголик подтянется.

Выворачиваю руль, перестраиваясь из полосы в соседнюю.

– Неплохая идея, тем более, я уже выехал. Ты собралась?

– Я в салоне, но Хэнк у меня дома. Можешь заехать за ним? Я присоединюсь к вам позже. – Голос Лилит едва различим за каким-то жужжанием. – Все мне пора, увидимся!

Снова улыбаюсь. Лилит всегда была ураганом. Она могла бы заговорить меня до смерти, дай я ей такую возможность. И сейчас, снова, даже не выслушав мой ответ, отключилась. Бес-тия! В самом лучшем смысле этого слова.

Через пятнадцать минут я выруливаю на знакомую улицу. Ищу место для парковки.

От ностальгии внутренности скручивает в тугой узел. Я был здесь очень давно. В последний раз, когда... уезжал от Кейт.

Мы тогда в очередной раз ссорились, она уверяла, что не останется дома. Я, идиот, пытался её уберечь, пытался предупредить. Хотя сейчас, вспоминая тот вечер, я уже не был уверен, зачем вообще приходил к ней. Чувство ответственности перед её сестрой? Нет. Желание предостеречь саму Кейт? Нет. Стремление снова увидеть её? НЕТ!

С того момента прошло всего три года, а кажется что целая жизнь.

Он столько всего повидал в доме отца, что кровь стыла в жилах. И теперь, вспоминая себя тогдашнего, я лишь грустно улыбаюсь. Я был таким наивным. Влюбленным идиотом...

Не смотря на то, что через мою постель прошли десятки баб, мои мысли всегда возвращались к одной.

К той, кто, не мешкая, спустила курок.

Страхиваю наваждение.

Хватит об этом! Не время!

Паркуюсь у красной тойоты и набираю номер Хэнка. Жду шесть гудков, он не берет трубку. Пытаюсь дозвониться снова. Тщетно.

Лилит попросила забрать его, но ее парень видимо еще не закончил делать укладку или наносить себе макияж... Надо будет уточнить, какого хрена он копается так долго.

Щелкаю сигналкой, решая подняться в квартиру и поторопить прекрасную принцессу. Возможно если я помогу ему завивать кудряшки, он соберется быстрее.

Вхожу в холл, и сердце сжимается от ностальгии. Когда-то я вылетал отсюда пулей после того как мы с Кейт едва не...

Что за чертовы навязчивые мысли? Отгоняю их. Вхожу в лифт, жму кнопку нужного этажа, перевожу взгляд на наручные часы.

Половина седьмого. Рановато ехать в клуб. Можно пропустить по стаканчику. Если, конечно, Хэнк не против.

Лифт задрезжал. В кабине погас свет. Прекрасно...

Жму кнопку для связи с диспетчером, но ответом мне служит тишина.

Они что, издеваются?

Снова набираю номер Хэнка, второй рукой жму на нужную клавишу на консоли лифта.

Друг не отвечает, как и нерасторопный диспетчер.

Свет загорается так резко, будто я на сцене у какого-то паршивого фокусника и все софиты ударили мне в глаза. Лифт гудит и приходит в движение. Вот только едет он не вверх, а вниз.

Цежу ругательства сквозь зубы. Что за вечер такой? Сначала Халка вызвали на работу, потом Хэнк перестал брать трубки, теперь вот лифт живет своей жизнью. Для полного счастья остается только разбить мобилу и на утро болеть с похмелья...

Убираю телефон в карман и опираюсь на зеркальную стену. От безделья считаю этажи.

13-й. Интересно, как так получилось, что Халк с Синтией сошлись? Они же совсем разные. Хотя, не зря говорят, противоположности притягиваются.

12-й.

11-й.

10-й. До чего же медленная эта чертова штука.

...

5-й. А когда Хэнк наконец наденет кольцо на палец Лилит? Они же встречаются еще с тех времён, когда мы только начинали работать на М1. Странная парочка. Но они мне нравятся...

4-й. А у Халка с Синтией все серьезно?

3-й. Любопытно, как эти двое вообще сошлись.

2-й. Я бы с радостью погулял на их свадьбе.

Лифт наконец пребывает на первый этаж. Я машинально опускаю глаза с экрана на открывающиеся створки.

И застываю.

Двери распахиваются, и кровь приливает к лицу с такой силой, что немного кружится голова. Сердце ошибается на пару ударов, а потом, пытаюсь восполнить пробел, заходится, как бешенное.

Хрустит пластик. Я так сильно сдавил ключ от машины, что тот, не выдержав натиска, рассыпался в моих руках. К такому нельзя быть готовым.

Она стоит передо мной удивлённая не меньше, а может даже больше.

Волосы убраны в строгую причёску. Белая блузка, обтягивает умопомрачительную грудь. Юбка-карандаш облизывает её бедра, подчеркивая каждый изгиб. Черные колготки, а, может, чулки, притягивают взгляд к стройным ногам, обутом в сексуальные лодочки.

Вся кровь от лица, мгновенно приливает к другому органу, заставив тот напрячься.

Какого черта?

Он помню её совсем иной: юной, неопытной, наивной.

Но сейчас передо мной, словно, стоит другой человек. Черты лица стали острее, придав облику утонченную завершенность. Взгляд – жестче. От той доверчивой малышки не осталось и следа. Фигура стала сочнее, хотя, талия, по-прежнему, тонкая. В её облике сквозит неуловимая грация, женственность, которая не была заметна ранее. Что-то в ней изменилось. Девушка-подросток отошла на второй план, уступив место более искушающей версии.

Я чуть приподнимаю бровь. На миллиметр. Отступаю на полшага вглубь кабины, как бы намекая.

Войдешь?

Кейт облизывает пересохшие губы. Мой взгляд опускается к ее алому рту. Она это замечает и рвано выдыхает, сделав маленький шагок назад.

Удивленно вскидываю брови.

Нет?

Выстреливаю рукой, хватаю Кейт за грудки. Сминаю полы ее белоснежной рубашки, сгребая их в кулак и рывком втаскиваю ее в кабину.

От неожиданности она едва успевает сообразить, что происходит. Створки сходятся, отрезая нас от внешнего мира. Лишая ее пути к отступлению.

Лифт начинает движение.

Мы не двигаемся. Стоим, глядя друг на друга. Боимся даже дышать. Я все еще сжимаю ее блузку в кулаке так, что сладкий пудровый аромат пропитывает мои пальцы насквозь. Он проникает в легкие, душит чем-то давно забытым. Душит, и мне становится сложнее держать себя в руках.

2-й этаж... Прихожу в себя, отдергиваю руку, отступаю, кисть огнем горит, будто блузка Кейт была измазана ядом или кислотой.

3-й. Кейт торопливо расправляет одежду, стыдливо прервав зрительный контакт. Она будто только пришла в себя, так же, как и я, и теперь судорожно соображает, как выйти из ситуации если не победительницей, то хотя бы живой.

4-й. Слежу за ее неловкими движениями. Тонкие пальцы дрожат, давая понять, что эта встреча выбила ее из колеи так же, как меня. Кейт опускает руки. Ведет ладонями по бедрам, как отличница у доски. Взгляд голубых глаз ползет по мне выше, будто ей не верится, что это реальность. Натывается на мой тяжелый взор и тут же отводит глаза. Сглатывает. Жилка на шее бьется сильнее...

...

9-й. Тонкая шея, белая кожа. Мой рот наполняется слюной, как у гребаного вампира. Она наверняка пахнет пудрой так же ярко, как ее блузка.

10-й. Кейт нервно тербит часики на запястье. Смотрит, который час. Прикрывает глаза. Нервно поглядывает на табло ползущих этажей.

11...

12...

13-й. Я больше не могу бороться с этой разрывающей яростью. Медленно тянусь к консоли и ударяю по кнопке «стоп».

Глава 4

Лифт недовольно вздрагивает и замирает между этажами.

Испуганно смотрю на табло, и понимаю, что скорее всего не выберусь из кабины живой. Но перечить Джеку Моретти сейчас все равно что добровольно уложить голову на плаху. А я не такая дурочка. Я вообще стараюсь не шевелиться и даже не дышать. Легкие начинают колоть от боли. Интересно, а каковы шансы, что он сочтет меня пустым местом и уйдет?

Поднимаю робкий взгляд и натываюсь на холод его карих глаз.

Поспешно опускаю голову и начинаю рассматривать мыски своих замшевых туфель. На правом крошечная царапина, вероятно, появилась, когда он почти волоком затащил меня в лифт.

Значит, Джек жив...

Прикрываю глаза, стараясь не думать, но удается плохо. Все рецепторы обостряются, и я начинаю ощущать его своей гребаной кожей.

От него веет дорогим парфюмом, у меня кружится голова с того самого момента, как он схватил меня за блузку. Распахиваю глаза, чтобы не упасть, глаза как магнитом притянутые снова возвращаются к его облику. Черные брюки в тон рубашке идеально подчеркивают его мощную фигуру. Они как влитые сидят на упругих бедрах, жирной чертой подчеркивая тот факт, что Джек нисколько не изменился за эти годы. Напротив. Он лишь стал еще мощнее и спортивнее. Рубашка плотно обтягивает широченные плечи, пара пуговиц на вороте расстегнута, являя миру загорелую шею с контрастно выделяющимся кадыком. У меня пересыхает во рту. Я не могу слотнуть, поэтому оставляю эту затею.

Упрямый подбородок Джека чисто выбрит, губы плотно сжаты в линию. Он раздражен. Об этом твердят и сжатые до вздутых вен кулаки. Он либо собирается ударить меня, либо контролирует свой гнев, чтобы не сорваться.

Но на мне нет ни единого синяка, значит скорее второе.

Очень медленно, чтобы не спровоцировать зверя, тянусь к консоли с кнопками, надеясь нажать на одну из них и поскорее выбраться из этой тюрьмы, зависшей в воздухе. Не поднимая глаз, вдыхаю и на выдохе поворачиваю голову к панели. Блестящая клавиша так заманчиво близка, что я уже ощущаю холод стали пальцем.

Но внезапно мое запястье накрывает загорелая ладонь. Пальцы сжимаются так, что мне становится больно. Я вскрикиваю. Пытаюсь отдернуть руку, но делаю только хуже. Джек толкает меня к закрытым створкам лифта и, сжав мою шею, заставляет поднять глаза вверх, чтобы наконец взглянуть в глаза страху.

– Ты. Стреляла. В. Меня. – Каждое слово отдается болью в затылке. Он давит на меня, заставляя вжаться в металл.

Обеими руками вцепляюсь в его запястье, пытаюсь оторвать эту смертоносную лапу от себя. Но его пальцы лишь усиливают хватку, сжимаясь сильнее. Перед глазами начинают появляться светлячки. Мне невозможно дышать.

Инстинктивно размыкаю губы, как выброшенная на берег рыба, пытаюсь проглотить хоть крупинку кислорода, вдохнуть. Грудь, обтянутая блузкой судорожно вздрагивает, и эта попытка оборачивается против меня.

Джек на долю секунды опускает взгляд, и я понимаю, что просчиталась. Огонь ярости в его глазах мгновенно меняется другим, более терпким и глубоким, и я едва успеваю проглотить кислород, Джек затыкает мне рот поцелуем.

Шея саднит от его хватки, которую теперь он переместил назад, к затылку, чтобы не дать мне уйти. Настойчивый до грубости язык трахает мой рот, буквально имеет меня заставляя

окончательно потеряться в ощущениях. Я кажется бью Джека по плечам, ударяю по груди, осыпаю его своей ненавистью, но даже сама не до конца осознаю, что происходит.

Рука на моей шее растворяется, и в ту же секунду я взмываю в воздух. Чтобы не упасть хватаюсь за широкие плечи, царапаю их ногтями, стремлюсь сделать так же больно, как он делает мне. Узкая юбка комкается в районе талии, трусики до боли впиваются в бедра, но в то же мгновение слабнут, стоит этому животному порвать их. И едва я успеваю осознать, что происходит, меня буквально надвое разрывает его горячий член.

Язык, до этого терзавший мой рот, прекращает натиск, но Джек не выпускает из плена мои губы. Он лишь отвлекается на то, чтобы выдохнуть. Будто выпускает копившееся внутри напряжение, стоит нашим телам соединиться. Моя голова кружится, я выдыхаю и тут же шумно вдыхаю, когда первый толчок впечатывает меня в стенку лифта. Моя голова ударяется о металл, я жмурюсь, пытаюсь надыхаться кислородом, пока этот зверь не вспомнил, что мечтает меня придушить. Но вдохи обрываются в такт ударам его бедер о мои. В такт творящемуся бесконтролю.

– Отпусти... – наверно это произношу я, но совершенно непонятно, на что я надеюсь. Пальцы Джека больно впиваются в бедра, он дергает меня на себя, и тут же отводит, чтобы растряхать сильнее. – Оставь...

Протестую какими-то невнятными выдохами. Напряжение, копившееся все эти годы, концентрируется внизу живота. Мне становится больно терпеть то, что творится сейчас. Я стону от боли, но Джека это не волнует совершенно. Он еще неистовее имеет меня, будто читает мысли и знает, что эта боль вызванная напряжением лечится только одним способом.

Наши губы не расцепляются ни на секунду. Мы дышим друг другом, задыхаемся буквально в этом танце грязи и ненависти. Наши тела то склеиваются до основания, то расцепляются почти насовсем.

Боль становится невыносимой. Я зарываюсь пальцами в темные волосы Джека и оттягиваю их, вкладывая в этот жест всю свою ненависть. Кусаю его губы, выплескиваю на него всю боль, что он мне причинял.

– Да... – зачем я это говорю? – Дж... Джек я ненавижу тебя! Ненавижу!

Он рычит. Нагоняет меня и не дает раствориться в этой дымке оргазма одной. Кончает, в последний раз насадив меня так глубоко, насколько позволяет мое истерзанное нутро. Его хриплый рык отдается в ушах победным кличем. Я тяжело дышу. С запозданием осознаю, что Джек Моретти кончил внутрь и ненавижу его за всё. Абсолютно за всё!

Но сил выразить это нет, он отнял их, когда вытрясал из меня душу.

Сил вообще ни на что нет.

Тяжело дышу. Чувствую как его горячее дыхание опалает шею. Джек уткнулся в нее, пытаюсь прийти в себя. Поражаюсь, как это он не выронил меня на пол, и ему хватает сил удерживать меня на весу. Мои ноги подкашиваются. Я не чувствую их после этого оргазма, и мне кажется, поставь он меня, я сразу же растянусь на полу.

Осознаю, что все еще цепляюсь за его широкие плечи, а пальцы второй руки зарыты в густые темные волосы на затылке Джека.

Он поднимает потяжелевшую голову, и моя рука падает. Долю секунды мы смотрим друг другу в глаза, а потом до нас доходит, что мы натворили. И наши взгляды как дуэлянты расходятся в противоположные концы. Мы разрываем тесный контакт, Джек ставит меня на пол и тут же отступает на шаг назад. Приводит в порядок одежду. Я с грустью замечаю на полу лифта свои изорванные трусики, одергиваю юбку, молясь, чтобы чулки не поползли. Джек жмет кнопку нужного этажа, и лифт приходит в движение.

Расправляю одежду, больше не осмеливаясь поднять головы.

Мне стыдно. Мне страшно. Мне так истомно, как никогда раньше. Это был лучший в моей жизни оргазм. И единственный...

Прижимаюсь затылком к стенке лифта, прикрываю глаза. Даже не глядя на стоящего напротив мужчину, я чувствую кожей, что он на меня смотрит. Его взгляд прожигает изнутри. Заставляет внутренности плавиться, а сердце заходиться в неровном биении.

Кажется, я снова сгораю в агонии.

Я снова попала в тот ад, коим он умеет окружать. Но парадокс в том, что я наслаждаюсь этим.

Лифт оповещает о прибытии. Я распахиваю глаза и получаю подтверждение своей догадки. Джек на меня смотрит. Сюрпризом становится то, что он смотрит без ненависти. Он так же сбит с толку, как и я. Мы как два химика, пораженные результатами эксперимента. За такое обычно дают Нобелевку. Проблема в том, что мы оба не ожидали подобного. И мы обезоружены.

Створки начинают разъезжаться, и будто обухом по голове, возвращают меня в реальность. Я вспоминаю, кто я, и зачем поднимаюсь в квартиру, и непроизвольно всхлипываю, осознав, что через секунду все будет кончено.

Джек Моретти одним своим присутствием выключил напрочь мои мозги, и я допустила смертельную ошибку, и теперь жестоко за это поплачусь.

Моя реакция заставляет Джека нахмуриться. Но мне плевать. Как только двери распахиваются, я выбегаю из лифта в надежде сделать хоть что-то, но...

Едва я оказываюсь на площадке у лифта, сердце замирает от боли и страха. Хэнк стоит в дверях, пытаюсь ухватить маленькую ручонку, выбегающего из квартиры ребенка. Но не успевает.

Черноволоосый малыш, перебирая своими крошечными ножками, бежит мне навстречу. Мужская фигура, вслед за мной выходящая из лифта не привлекает его внимание. Малыш расплывается в улыбке, глядя на меня. Распахивает свои объятия, требуя, чтобы его взяли на ручки. А я понимаю, что плачу лишь по привкусу соли на губах. Вздрагиваю. Падаю на колени около ребенка и сжимаю его так крепко, чтобы никто не мог отнять.

Немая сцена лучше любых слов подчеркивает то, что я так старалась скрыть...

Тонкий голосок взрывает гробовую тишину площадки.

– Мамоська! Ты писва!

Глава 5

Чувство, будто мне дали под дых.

Мамочка.

Вот почему Кейт смотрела на меня, как на палача. Мне даже не нужно было делать тест ДНК, чтобы понять, чей это сын.

Мамочка.

Карлос так и не трахнул ее в том гараже, да и охранники к ней не прикоснулись.

Я единственный, кто спал с ней там, в Италии.

Мамочка.

Все эти доводы меркнут на фоне одного неоспоримого факта.

У мальчика карие глаза.

Я узнаю их из тысячи. Насыщенный оттенок темного шоколада с черным ободком. Яркие глаза, запоминающиеся. Принадлежащие древнему аристократическому роду. Глаза Элены Моретти.

– Мамоська! – Малыш обхватывает своими ручками заплаканное лицо Кейт и хмурит бровки. – Ты пвачешь?

Кейт бодрится, торопливо стирает с лица соленые капли, но слезы непрерывным потоком текут по щекам.

Лифт за моей спиной оповещает о прибытии еще одного зрителя этого театра. Мои легкие начинают колотить, и я с запозданием понимаю, что все это время не дышал. Делаю попытку, горло перехватывает, голова кружится.

Неужели это не сон?

У меня есть сын...

Сколько ему? Два или около того?

Интересно, а Кейт сказала ребенку, кто его отец?

Сердце покрывается ледяной коркой.

Конечно, нет.

Судя по тому, какими испуганными глазами малыш рассматривает меня сейчас...

Мой сын...

В поле зрения появляется Лилит. Она замирает, глядя на эту сцену и за секунду схватывает, кто тут действующие лица. Оторопело смотрит на меня, и я с запозданием и ноткой облегчения понимаю:

Она не знала.

Кейт не говорила ей.

– Кейт? – взгляд Лилит медленно переползает с меня на обнимающихся мать и малыша. Она сдавленно шипит, потом прочищает горло и повторяет. – Кейт...

Эта сучка оборачивается и затравленно смотрит на сестру, продолжая держать ребенка так, будто здесь служба опеки, которая хочет отнять его.

Взгляд голубых глаз полон отчаянья и стыда, и я убеждаюсь, что Кейт не раскрыла карты сестре.

– Кейт! – Градус накала повышается, Лилит уже с трудом держит себя в руках. Кейт, словно почуввав приближение урагана, понимается на ноги и легонько подталкивает малышка Хэнку. Тот заводит его в квартиру.

– Ты! – Лилит кричит эту фразу, а затем резко поворачивается ко мне и впивается в мое лицо полным ярости взглядом, но только на секунду. В следующую она уже бросается на меня с кулаками, и я едва успеваю заблокировать пару ее выпадов, прежде чем Хэнк оттаскивает свою девушку. – Ты! Как ты мог? Ты тронул мою сестру! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Крик режет перепонки. Не удивительно, что она своей истерикой напугала малыша. Тот заплакал как маленькая сирена и оторопело застыл, подняв ручки вверх, чтобы поскорее оказаться у матери. Кейт поднимает моего сына и спешит унести его, чтобы успокоить. Я бросаю короткий взгляд на Хэнка, и тот кивает, поняв меня без слов. Он удерживает подругу, пока я не закрываю дверь их квартиры изнутри. Щелкаю замком.

Прислоняюсь к ней спиной и прикрываю глаза. Мне нужна чертова передышка. Слишком много потрясений за последние пятнадцать минут. Встреча с Кейт вызвала во мне противоречивые эмоции. Не так я представлял этот момент встречи с убийцей. Но... Черт, меня будто закоротило. Желание придушить ее быстро сменилось другим, и я потерял контроль над ситуацией. Потерял контроль над собой.

Но это все мелочи, по сравнению с тем фактом, что она родила от меня ребенка.

Нет, безусловно, когда я спал с ней, я понимал, к чему это может привести. Но тогда в Италии все было иначе. Я понимал, что даже если она забеременеет, это будет только к лучшему. Но я не мог представить, что ей удастся сбежать от меня, всадив мне пулю промеж ребер. А теперь вот... Чёрт, а что теперь?

Впервые в жизни, я не знаю, что делать.

Все мои планы к чертям рухнули. Но одно я знаю наверняка.

Я должен снова увидеть сына.

Эта мысль стала бальзамом для моего разбитого сердца.

Мой сын. Мой малыш.

Снова и снова повторяю это в своей голове, и все внутри оживает. Корочка льда, сковавшая сердце трескается и обнажает эмоции. Глаза печет.

Отталкиваюсь от двери, мысленно прося прощения у хозяев квартиры, которые остались на площадке, и иду на поиски Кейт.

Она сидит на диване в гостиной, прижимает к себе малыша. Он уже не плачет, теперь лишь изредка вздрагивая от проходящей истерики. При моем появлении его личико снова кривится.

– Тише, солнышко, мама рядом. Всё хорошо. – Кейт целует сына в макушку и поглаживает нежными руками. Теми самыми руками, которыми убила человека. Ладно. Почти убила. Довести дело до конца ей помешала вызванная отцом скорая. Кейт поднимает глаза на меня и безмолвно призывает не горячиться. Она без слов просит о перемирии хотя бы на несколько минут. Я аккуратно опускаюсь напротив них на корточки и с улыбкой заглядываю в любимые глаза.

– Привет, герой! – стараюсь говорить как можно мягче и тише. Успокаивающе. Сердце щемит, резь в глазах становится невыносимой, и я смаргиваю напряжение и продолжаю. – Меня зовут Джек. Я друг твоей мамы. А как зовут тебя?

Любопытное личико сына обращается в мою сторону. Он с интересом, который ему плохо удастся скрыть, наблюдает за мной. И видимо, решив, что я не представляю опасности, он все-таки снисходит до ответа.

– Меня то же зовут Джек. – Он опасливо произносит, но уже не цепляется за мать, как делал прежде. – Мама говорит, я капитан Джек Вобей!

Улыбаюсь, самообладание нещадно трещит по швам, мне с трудом удастся не выказать, насколько сильно я растроган этим маленьким пиратом. Так хочется взять его на руки и прижать к себе. Но я понимаю, что перепугаю сына, ведь он видит меня впервые. Прочищая горло, обращаюсь к ребенку.

– Ты не против, если мы с твоей мамой поговорим? Я так давно её не видел и очень соскучился. А ты пока можешь посмотреть мультики. Ну что, по рукам? – подставляю ладонь, сын охотно ударяет по ней своими крошечными пальчиками, и тепло его маленькой руки проникает в самое сердце, будто касается его сквозь мою плоть.

Кейт молча наблюдает за нашим диалогом, но не спешит снимать ребенка со своих колен. Я вижу, что она намеренно оттягивает неизбежное, и поднимаюсь на ноги, грозно полоснув по ней взглядом, пока маленький Джек не видит.

Выхожу из гостиной и иду в комнату, раньше принадлежавшую Кейт.

– Я подожду. – Бросаю на ходу, радуясь возможности хотя бы пару секунд побыть одному.

Оказавшись в ее комнате, встаю у окна и готовлюсь ждать. Ностальгия ударяет по нервам неожиданно и очень больно. Вокруг витает пудровый аромат, навевающий воспоминания о том, что произошло в лифте полчаса ранее, и я делаю глубокий вдох, убивая себя этим окончательно.

Поверить не могу.

У меня есть сын.

Эта мысль не покидает сознание, я смакую ее, ощущая приятную дрожь во всем теле.

Маленький Джек. Джек Моретти.

– Значит теперь ты Джек... – её голос творит что-то невообразимое с моими нервами, и я оборачиваюсь, машинально убирая руки в карманы. Кейт умылась от слез, ее лицо кажется мне таким же юным, каким я запомнил его тогда. Ни грамма косметики, но по-прежнему выразительные черты.

Красивая, сука.

Она встала в дверях, настороженно глядя на меня. Она говорит спокойно, даже по-дружески, но я понимаю, что это напускное. Её трясет, она взволнована и даже напугана. И знаете, это чертовски правильная реакция. Именно такой я и хочу видеть ее в ближайшие месяцы, пока буду претворять план мести в жизнь.

– Джек я только для близких мне людей, для остальных я Майкл. – Чеканю отстраненно, и Кейт тушует. Она надеялась, что увидев сына, я растаю и смягчусь, но это не так. Мое отношение к ней не изменилось. Я все еще ненавижу ее.

– Я не говорила никому. – Она пытается оправдаться. Поднимает на меня свои глаза полные слез, и я пристально на нее смотрю, давая понять, что мне плевать на сантименты. Кейт нервничает, ее пугает мое молчание, и я растягиваю удовольствие, обдумывая, как изменить план, чтобы не отступать от задуманного. Все может получиться, но желательно проконсультироваться с адвокатом, чтобы уладить все юридические тонкости...

– Завтра с тобой свяжется мой поверенный. Советую тебе идти ему навстречу. Джек пробудет с тобой несколько дней, затем я заберу его в Италию.

Её лицо так стремительно меняется, на смену страху приходит дикая бесконтрольная ярость. Кейт закрывает дверь, щелкает замком и решительно подходит ко мне с явным намерением выстрелить еще раз. Я с трудом подавляю желание обыскать ее на предмет оружия.

– Черта-с-два ты его заберешь! – шипит сквозь стиснутые зубы. Тычет пальцем мне в грудь, именно в то место, где прошла ее пуля. – Джек мой сын, а ты для нас НИКТО!

Хватаю ее запястье, дергаю на себя, скалюсь.

– Уверен, суд решит иначе... – мы не кричим, разговариваем в полголоса, но от этого беседа звучит еще более угрожающе. – Днк скажет само за себя, Кейт.

Она стискивает зубы.

– Я не позволю тебе увезти моего ребенка в этот ад! Вы с отцом открыли более прибыльную ветвь вашего грязного бизнеса: торговлю детьми?

– Закрой свой рот!

– Джек останется со мной! Я не отдам его тебе! – ее трясет. Она цедит это глухо и угрожающе. – Даже если для этого мне снова придется взять в руки пистолет!

– О, попробуй... – я никогда в жизни не испытывал такой дикой ярости к кому-либо. – Только не забывай: никто не даст матери уголовнице опеку над сыном.

– Я ненавижу тебя! – Бросается на меня, как дикая кошка. Ударяет, царапает, кусает, осыпает своей ненавистью, явно решив в этот раз разделаться со мной голыми руками. Скручиваю ее, делая немного больнее, чем требуется в такой ситуации. Я взбешен, пусть эта сука скажет спасибо, что голыми руками не душу ее. Кейт шипит, но брыкаться прекращает, боль не позволяет ей такой роскоши как сопротивление. – Отпусти!

– Слушай сюда, принцесса. С тобой или без тебя, Джек поедет в Италию. Если ты попробуешь помешать, я сделаю все, чтобы лишить тебя родительских прав.

Кейт испепеляет меня взглядом, но молчит.

– Завтра я снова его навещу, и ты не станешь препятствовать, иначе пеняй на себя.

Она молчит. Но по глазам я вижу, она все поняла.

– Как только будут готовы визы и паспорта, мы покинем эту чертову страну.

Кейт мотает головой. Её волосы растрепались. Она тяжело дышит и пытается вырваться, и я усиливаю хват, заставляя ее охнуть от боли.

– Ты все поняла?

Заглядываю в ее глаза.

– Кейт?

– Пошел ты! – плюет мне в лицо в прямом смысле этого слова. Я обескуражен. Она что, совсем ничего не боится? Стираю с лица влагу, отмечая что в ее глазах нет ни грамма паники. Она сделала именно то, что хотела. И она может повторить.

– Если бы мой сын сейчас не находился в соседней комнате, я заставил бы тебя пожалеть, ты это понимаешь?

– Я итак жалею... что промахнулась тогда!

Прикрываю глаза. Меня клинит. На секунду меня буквально коротит от перегруза.

– Ты. Ответишь. За. Каждое. Гребаное. Слово. – Чеканю грубо. Кейт впервые за вечер подает признаки адекватности и с опаской на меня смотрит. Склоняюсь к ее уху. Медленно вдыхаю, выдыхаю. – И ты будешь жалеть, что не умерла тогда в ангаре Карлоса от групповухи с охраной.

Она дрожит. По ее щеке скатывается слеза. Я продолжаю.

– Сейчас я тебя отпущу и выйду из этой комнаты. И когда завтра я вернусь, ты будешь здесь с моим сыном. Только попробуй похитить его и сбежать. Я вас найду... Я. Тебя. Найду. Кейт.

Отстраняюсь и заглядываю в ее глаза.

– До завтра... – размыкаю руки. Отступаю. Иду к выходу, каждую секунду ожидая нападения сзади. Берусь за ручку, шелкаю замком. Слышу всхлип, но не оборачиваюсь. Покидаю квартиру даже не обмолвившись словом ни с кем из друзей. В лифте осознаю, что так и не попрощался с сыном. Но я не мог, слишком был взбешен.

Набираю номер парней из охраны. Диего отвечает.

– Мне нужно, чтобы вы выставили круглосуточное наблюдение за адресом. Ни одна муха не должна проскочить незамеченной.

– Будет сделано, босс. Координаты?

Диктую. Отключаюсь. Обращаю внимание, что на полу лифта лежат разорванные трусики.

Поднимаю. Толкаю в карман.

Трофей, как напоминание о потерянном контроле. Больше такого допускать нельзя.

Глава 6

Часы на стене тикают по мозгам. Сажусь за кухонным столом и смотрю в одну точку. Рядом стоит кружка кофе с налитым в нее коньяком. Причем последнего в ней едва ли не больше, чем кофе.

В кухню входит Хэнк и негромко обращается ко мне.

– Она сейчас придет в себя, и вы сможете поговорить. – Его голос звучит участливо, почти ласково. Сейчас в нем невозможно признать наемника, он скорее похож на заботливого мужа сестры, который обращается со мной, как старший брат.

Благодарно ему киваю и снова опускаю взгляд на столешницу. Обхватываю чашку с кофе дрожащими руками. Делаю глоток, в горле першит, и я закашливаюсь. Пищевод обжигает, но может, это к лучшему. Я уже начинаю бояться, что никогда ничего не почувствую впредь. Полный эмоциональный вакуум.

В кухню входит Лилит. Она не церемонясь каким-то там кофе, сразу плеснула себе коньяка чистым.

Сестра садится на соседний стул, делает большой глоток, морщится. Отставляет стакан. Поворачивается ко мне. И я эту секунду я понимаю, что мне не избежать серьезного разговора. Все три года я сохраняла молчание, и вот, чем это обернулось. Ситуация вышла из под контроля. Моя жизнь вышла из под контроля.

Набираю в грудь воздуха и выпаливаю.

– Три года назад меня похитил Карлос Моретти, его брат Антонио Моретти живет по соседству с тетей Эдной и дядей Гарольдом. Там я и познакомилась с Джакомо, который после аварии начал называть себя Майклом. Я не узнала его, хотя он очень напоминал мне Джакомо Моретти. – Делаю вдох. Продолжаю. – Карлос Моретти хотел продать меня в рабство, но внезапно домой вернулся его сын, и он подарил меня тому. Мы с Майклом, вернее с Джакомо, переспали. Он не делал это против моей воли, я... была с ним добровольно. Он стал моим первым.

– И это все? – после долгого молчаливого обдумывания моей тирады сестра наконец заговаривает.

Киваю.

– Если коротко, – залпом осушаю свой кофе и смахиваю с глаз слезы. Слышу медленно начинающийся смех и напряженно смотрю на сестру, которую что-то развеселило.

Лилит смеется. Сначала негромко, но постепенно это перерастает в настоящую истерику во все горло.

Скрещиваю руки на груди, чувствую себя так, словно мне плюнули в душу. Поджимаю губы. Лилит пытается говорить сквозь слезы.

– Я думала, тебя изнасиловали какие-то свиньи-работоторговцы. Думала, тебя держали в притоне и каждый день издевались над тобой. Думала, те кошмары, когда ты с криками просыпаешься среди ночи, связаны именно с этим. – Её слова напоминают упрек. Но я пропускаю его мимо ушей. – Думала, мой племянник – ребенок мужланов, которые издевались над тобой. Я восхищалась тобой Кейт. Набраться храбрости и родить после всего, что с тобой сделали... И самое главное любить это дитя – это...

Её смех уже давно сошел на «нет», теперь она задумчиво замолкает.

– Прости, я несправедлива к тебе, – ее совесть напоминает о себе. – Но ты должна была сказать, что отец моего племянника Майкл!

Я недоуменно смотрю на сестру. Она не понимает причину моей реакции.

Выпрямляюсь на стуле. Чуть наклоняюсь вперед, глядя на нее в упор.

– Лил, неужели ты до сих пор не поняла? – я не верю, что сестра так глупа и не прикидывается. – Майкл сын Карлоса Моретти. Майкл – это Джакомо Моретти. Он помогал своему отцу отлавливать рабынь. Он насиловал незащищенных девушек. Майкл – преемник работорговца! Как ты можешь общаться с ним после этого?

В кухне воцаряется звенящая тишина.

– Ты ничего не знаешь, верно? – Лилит вздыхает. Трет переносицу большим и указательным пальцами. Её голос звучит устало, словно она объясняет мне что-то по пятому кругу, хотя раньше не удосуживалась разговаривать о работе со мной. – Майкл три года работал под прикрытием. Подробностей я тебе рассказать не могу, потому, что сама не знаю ничего толком, но в одном я уверена. Он никогда не причинил бы вреда своему сыну.

Я возмущенно вскакиваю со стула, возвышаясь над сестрой. Она продолжает, выставив ладонь в протестующем жесте.

– Джек – его сын, и Майкл вправе участвовать в воспитании мальчика!

– Я не позволю ему приближаться к Джеку! – заявляю твердо. Лилит вздыхает. – Он ничем не лучше Карлоса. Неужели ты хочешь, чтобы твой племянник имел дело с этими... с этими...

У меня просто слов нет. Впервые в своей жизни я не согласна с сестрой. Она будто тронулась умом и не понимает всей серьезности ситуации.

– Лил, Майкл насильник и убийца! Я видела, как он...

– Что? – она перебивает меня. – Что ты там видела? Ты говоришь то, в чем не разбираешься. Он насиловал тебя хоть раз? Делал больно тебе? Может быть, он бил тебя или подвергал риску твою жизнь?

– Нет, но...

– Вот! – Она разводит руками, а потом тычет в меня пальцем. – Майкл мой друг и я не позволю тебе очернять его репутацию. Да если бы не он...

– Что? – обхватываю себя руками. – Что ты такое говоришь? Хочешь сказать, что Майкл белый и пушистый?

– Тебе не следовало в него стрелять.

– Знаешь, что? Я не хочу больше говорить с тобой на эту тему! Ты сказала достаточно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.